

Алексей Феофилактович Писемский. Подводный камень

(Роман г.Авдеева)

Статья

Книга: А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 9
Издательство "Правда" биб-ка "Огонек", Москва, 1959
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 19 июля 2002 года

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

Роман г. Авдеева{547} состоит из двух частей и имеет то удобство, что рассказывается двумя словами. Эти два слова - "Полинька Сакс"{547}: удобство немаловажное для библиографов и чрезвычайно важное для авторов, пишущих со второй руки. Существенные изменения, которые г.Авдеев сделал в Полиньке Сакс и которые он отчасти позаимствовал из "Кто виноват"{547}, отчасти выдумал сам, состоят в том, что Полинька Сакс (у г.Авдеева Наташа Соковлина), во-первых, выходит замуж, по ее мнению, за очень достойного человека, не только без наивного, детского равнодушия к этому человеку, как было и следовало быть с настоящей Полинькой, а по чувству глубокой привязанности к нему, вследствие сознательного уважения к его лицу и характеру и по ее собственному выбору; во-вторых, она потом влюбляется не вследствие простого, непосредственного увлечения, как опять-таки было с ребяческой Полинькой, а по сознанию умственного превосходства над ее мужем его соперника (см. "Кто виноват"), влюбляется, стало быть, не в блестящего титулованного юношу, самую судьбою предназначенного для легких побед над неопытными сердцами, а, так сказать, в героя мысли, в пародию на Вельтова (переделанного и переименованного в Комлева), - и оставляет для этой пародии не только мужа, но вдобавок еще и сына; в-третьих, за эту пародию она замуж не выходит, потому что пародия, как и следует ожидать от лица такого звания, не берет ее, говорит, что так гораздо лучше; в-четвертых, погулявши по белому свету с новым избранником сердца, новая Полинька Сакс, подобно своему первообразу, догадывается, что это только так, а что настоящая, прочная и беспредельная привязанность в ней остается все-таки к мужу; тем не менее, даже и при этой догадке, и уже наперекор своему первообразу, она не чувствует над собой никакой катастрофы, получает от поругавшегося над нею человека уверение в истинном почтении и возвращается под кровлю мужнего дома; кукольный муж, в свою очередь, величайшим трагизмом своего положения почитает одиночество и потому принимает ее в свои объятия с таким блаженным чувством, какого он не испытывал даже в то время, когда она не знала никаких посторонних объятий. К числу изменений следует, кроме этого, отнести и то, что роман свой г.Авдеев рассказал своими собственными словами, не позаимствовавшись ни у кого ни одною фразой, и рассказал притом словами столь отборными, какими по преимуществу рассказываются только умные вещи.

- Да где же тут подражание или заимствования? - скажут нам. - Это совершенно новая и оригинальная вещь. Брачные и любовные отношения составляют одну из величайших социальных задач не только нашего времени, но и времен прошедших и будущих. Что же удивительного, если бы г.Авдеев, желая быть писателем своего времени, в выборе своего сюжета встретился не с двумя только, а с целю сотнею писателей? Изумительного тут было бы одно, что между изящными литераторами, людьми большею частию консервативными, так много вдруг явилось таких, которые отзываются на голос времени. Г-н Авдеев отнесся притом к этой значительной задаче совершенно по-своему, иначе, чем оба предшествовавшие ему писатели, из которых один остановился пред нею, как перед китайскою стеною, не предложивши никакого решения, а другой порешил ее по китайскому кодексу десяти тысяч церемоний - законным расторгжением законного брака и столь же законным вступлением в другой законный брак. В мыслительной способности г.Авдеева совершился процесс такого рода: если любовь - чувство произвольное, столь же мало зависящее от нашей воли, как, например, ощущение голода, и если она - в высочайшей мере чувство законное, вследствие этой самой произвольности, то никакая санкция этого чувства не должна представлять для него никаких затруднений. Признавать за этой санкцией какие-нибудь обязанности и основывать на ней какие-нибудь требования так же неразумно, как желать, например, теплого снега или холодного огня; а не признавать за ней никаких обязанностей и стеснять себя